

К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ ТУРЦИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1941 г.)

РИПСИМЕ КОРХМАЗЯН

Позиция Турции, официально определявшаяся англо-франко-турецким союзным договором 1939 г., к лету 1941 г. претерпела большие изменения. К середине лета 1940 г., к моменту поражения Франции, завершился постепенный переход Турции с позиции невоюющего союзника западных держав к нейтралитету, благожелательному отношению Англии.

Поражение Франции и дальнейшие военно-политические успехи Германии побудили турецкое правительство к улучшению напряженных германо-турецких отношений. Со своей стороны, Германия постоянно проявляла откровенную заинтересованность в урегулировании политических и экономических отношений с Турцией, имея в виду превратить ее со временем в своего союзника-сателлита.

Длившиеся с перерывами с конца 1940 г. германо-турецкие политические переговоры завершились подписанием 18 июня 1941 г. договора о дружбе и ненападении¹. Ход переговоров 1941 г. и заявления турецких государственных деятелей дали Германии все основания полагать, что в лице Турции она фактически приобретает неофициального союзника, по крайней мере на период войны с СССР, и может в дальнейшем рассчитывать на оформление политического союза с этой страной². Не вызывает сомнений, что к началу Великой Отечественной войны турецкий нейтралитет завершил следующий этап своей эволюции: из дружественного относительно Великобритании стал благожелательным для Германии. Но и в такой форме он был приемлем для Англии³, которая стремилась не допустить германской агрессии против Турции и через нее против английских колониальных владений на Ближнем Востоке и коммуникационных путей к ним и создать, наконец, ситуа-

¹ „Documents on German Foreign Policy 1918—1945“ (далее—DGFP). Ser. D. 1937—1945, vol. XII, doc. № 648.

² DGFP, Ser. D, vol. XII, doc. № 514, 523, 556, 595; «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. II, Германская политика в Турции (1941—1943), 1946, док. № 1, № 2, № 3, № 4.

³ „Foreign Relations of United States. Diplomatic Papers“ (далее—FR). 1941, vol. III, p. 853—867.

цию, которую Гитлер считал бы благоприятной для нападения на Советский Союз.

Германо-турецкие переговоры продемонстрировали не только антисоветскую направленность политики Турции, но и заинтересованность турецкого политического руководства в компромиссном урегулировании англо-германского конфликта и его убежденность в том, что в лице СССР Германия встретит сильного соперника. «Если германо-русское столкновение произойдет до достижения взаимопонимания с Англией,— говорил министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу,— война затянется на годы, в результате чего произойдет широкая большевизация Европы»⁴. Сараджоглу утверждал, что Англия, по его убеждению, готова к компромиссу с Германией и предоставит рейху свободу рук в Центральной и Восточной Европе, если будет уверена, что на нее не нападут с континента.

Папен пришел к тому выводу, что подобные идеи не могли быть высказаны турецким министром без предварительной консультации с Англией⁵. Хотя сегодня и не вызывает сомнений, что в мае—июне 1941 г. Англия не собиралась идти на компромисс с Германией, но она стремилась укрепить Берлин в мысли, что после нападения на Советский Союз рейху не придется вести войну на два фронта⁶.

Нападение Германии на Советский Союз в известной степени осложнило англо-турецкие отношения, так как выявило значительные расхождения позиций Англии и Турции относительно германо-советской войны. До тех пор, пока стоял вопрос о вовлечении СССР в войну, правительства обеих стран проявляли полное единодушие. Но Англия стремилась к этому, чтобы выстоять перед Германией и затем с помощью России добиться победы над ней. Позиция же ее официального союзника—Турции была иной— в германо-советской войне Турция хотела победы Германии. Энтузиазм членов кабинета и правящих кругов Турции по поводу нападения Германии на СССР был до неприличия велик⁷, настолько, что министр иностранных дел Сараджоглу вынужден был 22 июня отключить телефон, чтобы избавиться от бесконечных поздравлений, связанных со столь вовремя заключенным германо-турецким договором и последовавшим за ним нападением Германии на Советский Союз⁸. С восторгом встретил это известие и турецкий президент⁹.

⁴ DGFP, Ser. D, vol. XII, doc. № 514. Папен—МИДУ, 13 мая 1941 г. После нападения Германии на СССР большинство турецких газет отмечало военную мощь Советского Союза (см., к примеру, «Ulus», «Yeni Sabah», «Tan» от 23.VI.1941 г. и след.).

⁵ DGFP, Ser. D, vol. XII, doc. № 514.

⁶ См. В. Г. Трухановский, Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945), М., 1965, стр. 190—198.

⁷ Это обстоятельство отмечают даже такие антисоветски настроенные историки, как Л. Крекер (L. Krecke, Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg. Frankfurt/Main, 1964, S. 190).

⁸ DGFP, Ser. D, vol. XII, doc. № 670; FR, 1941, vol. III, S. 872.

⁹ «Milliyet», 8. X. 1967.

Уже на следующий день после германской агрессии против СССР, зная о позиции Англии¹⁰, турецкое правительство сделало Германии новые авансы относительно перспектив турецкой политики в будущем и выразило готовность и в настоящее время в известной мере помочь рейху¹¹. В то же время в ожидании дальнейшего развития событий турецкое правительство вербальной нотой от 26 июня уведомило Советское правительство, что «при наличии положения, созданного войной между Германией и Советским Союзом, Правительство Республики решило провозгласить нейтралитет»¹².

Отношение Турции к СССР проявилось в резко антисоветских выступлениях турецкой прессы, которая подхватила провокационные измышления германской пропаганды, содержащиеся в декларации Гитлера от 22 июня. И хотя уже 27 июня Советское правительство уполномочило ТАСС заявить, что «ответственные советские круги решительно отмечают эту гнусную клевету на Советский Союз относительно его позиции как насчет Турции и проливов, так и насчет Болгарии»¹³, турецкая пресса, поощряемая правительством, продолжала антисоветскую кампанию. Государственные деятели Турции выступили с соответствующими рекомендациями для Германии. Так, премьер-министр Р. Сайдам в беседе с германским послом 23 июня убеждал последнего, что Германия «должна в очень большой степени подчеркивать, что война направлена не против русского народа, а против советской системы, что Германия в районах, освобожденных от советского режима, введет полную свободу совести». «Этот пункт,— уверял турецкий премьер,— будет, вероятно, решающим для оценки похода американской общественностью»¹⁴.

Однако и в области взаимоотношений с Германией, несмотря на внешнее благополучие, ситуация для Турции была далеко не простой: правящие круги Турции не только «хотели видеть Россию в могиле», но и «Германию — на операционном столе»¹⁵. Эта широко распространенная в Турции точка зрения не была неожиданной для фашистской

¹⁰ Выступая по радио вечером 22 июня, английский премьер-министр сказал: «...Вторжение Гитлера в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара». (Цит. по кн. В. Г. Трухановский, Уинстон Черчилль, Политическая биография, М., 1968, стр. 436).

¹¹ DGFP, Ser. D, vol. XIII, doc. № 2. Папен—Риббентропу, 23 июня, 1941 г. J. Glaspeck, Die imperialistischen Großmächte und die Türkei am Vorabend und während des zweiten Weltkrieg, Halle, 1964 (маш.), S. 149.

¹² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I, М., 1944, стр. 114.

¹³ Там же, стр. 385.

¹⁴ Цит. по кн.: L. Krecke, op. cit., S. 191; См. также DGFP, Ser. D, vol. XII, doc. № 514.

¹⁵ См. J. Glaspeck, op. cit., S. 158, L. Krecke, op. cit., S. 190.

Германии: генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Н. Менеменджиоглу в беседах с германским послом и раньше не раз разъяснял, что Турция не заинтересована в тотальной победе как Англии, так и Германии¹⁶. Папен отмечает, что «Менеменджиоглу, голова турецкого правительства, «мозговой трест», который никогда не скрывал от меня своего мнения о том, что Германия становится слишком сильной для баланса сил в Европе, разделял это облегчение (в связи с нападением Германии на СССР — Р. К.), но боялся, что успешная кампания спустит тормоза германской амбиции»¹⁷. Из вышеизложенного следует: турецкие правящие круги хотя и ожидали победы Германии, но рассчитывали, что война между Германией и Советским Союзом будет достаточно длительной и упорной, так что Германия закончит ее ослабленной. Как прямое следствие этого ожидалось компромиссное урегулирование англо-германского конфликта, что в свою очередь сняло бы угрозу дальнейшего продвижения германских армий на Ближний Восток.

Германия же расценивала перспективы своей политики в Турции исключительно оптимистично. Основываясь на уверенности в успехе «молниеносной войны», Берлин сделал фактически единственным методом своей дипломатии в Турции военно-политическое давление, предполагая строить свои отношения с Турцией в соответствии с развитием германских операций¹⁸. Цель германской политики в Турции определялась теперь как «полное соответствие» турецких интересов германским¹⁹.

Уже самые первые успехи в войне против Советского Союза побудили германский генеральный штаб приступить к подготовке наступления «через территорию между Нилом и Евфратом из Киренаики и через Анатолию, а возможно, и с Кавказа через Иран»²⁰. Военное командование приняло меры к занятию исходных позиций в Болгарии в полном соответствии с проектом директивы № 32 верховного главнокомандования Германии от 11 июня 1941 г., утвержденным 30 июня. Текст ее, в частности, гласил: «... Необходимо наметить проведение германскими вооруженными силами операции из Болгарии через Турцию, чтобы нанести удар по позициям англичан в районе Суэцкого канала также с востока. Для этой цели следует предусмотреть, чтобы в Болгарии как можно раньше были сосредоточены войска, достаточные для того, чтобы сделать Турцию послушной в политическом отношении или сломить ее сопротивление силой оружия»²¹.

¹⁶ DGFP, Ser. D, vol. XII, doc. № 231.

¹⁷ F. von Papen, Memoirs, London, 1952, p. 479.

¹⁸ Ф. Гальдер, Военный дневник (1939—1942), т. 3, стр. 196. Запись от 26 июля 1941 г.

¹⁹ DGFP, Ser. D, vol. XIII, doc. № 194. Риббентроп—Папену, 11 августа 1941 г.

²⁰ Ф. Гальдер, ук. соч., стр. 80.

²¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, М., 1967, стр. 201, док. № 22.

В период с июля по октябрь 1941 г. в германо-турецких отношениях проявлялась значительная напряженность, временами достигавшая такого уровня, что Германия принимала в расчет возможность разрыва Турцией дипломатических отношений с рейхом²². Речь идет не об изменении позиции турецких правящих кругов относительно Советского Союза, а о соображениях совершенно другого рода. К середине июля турецкие правящие круги впервые поверили, что Германии может удастся «молниеносная война», и это обстоятельство вызвало осложнения в германо-турецких отношениях. Анкаре стало казаться — Германия побеждает слишком быстро и легко²³, а из этого вытекало, что германские войска получат в скором времени возможность появиться на Кавказе, выйти и на эту границу Турции сильными и свежими²⁴. В этот период генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Н. Менеменджиоглу часто посещал советского посла в Турции Виноградова и «не упускал случая подчеркнуть решимость Турции соблюдать строжайший нейтралитет, а в случае необходимости даже защищать его с оружием в руках»²⁵.

Показательно, что английский генералитет в это же время считал наиболее вероятным наступление германских армий через Анатолию и Сирию на Суэцкий канал в конце лета — начале осени 1941 г.²⁶. Правительство Англии было теперь очень обеспокоено турецкой позицией и возможными дальнейшими изменениями турецкой политики²⁷. Поэтому предложение-просьба турецкого правительства от 23 июля начать англо-турецкие штабные переговоры было встречено английскими правящими кругами с большим удовлетворением²⁸. Немедленно началась подготовка к переговорам самого широкого характера и на высоком уровне.

За несколько дней до начала англо-турецких переговоров, 10 августа, Советский Союз и Великобритания сделали правительству Тур-

²² См. J. Glaspeck, *op. cit.*, S. 153—154.

²³ См. L. Keeser, *op. cit.*, S. 195.

²⁴ 26 июля «Правда» опубликовала захваченные 15 июля в районе Ситня германские документы с секретными картами и схемами европейской части Турции и проливов. В материалах, предназначенных для служебного пользования, давалось описание высадки морского десанта, размещения войск и других условий оккупации германскими войсками Турции. В папке находились карты: 1. Европейской части Турции (масштаб — 1:500000) с указанием важнейших дорог; 2. Военно-географический план Стамбула (масштаб — 1:15000); 3. Босфора (масштаб — 1:100000) с отмеченными военными объектами; 4. Измирского залива (масштаб — 1:100000) с нанесенными военными объектами Турции.

²⁵ В. М. Бережков, *Годы дипломатической службы*, М., 1972, стр. 113.

²⁶ Д. ж. Батлер, Д. ж. Гуайер, *Большая стратегия. Июнь 1941—август 1942 гг.*, М., 1967, стр. 144—145.

²⁷ Там же, стр. 145.

²⁸ FR, 1941, vol. III, p. 886. Макмеррей—Хэллу, 2 августа 1941; Д. ж. Батлер, Д. ж. Гуайер, *указ. соч.*, стр. 152.

нии специальное заявление, в котором подтверждали верность конвенции в Монте и заверяли турецкое правительство в отсутствии «агрессивных намерений и притязаний в отношении проливов». Далее в заявлении говорилось, что «Советское правительство, так же как и Британское правительство, готово скрупулезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой Республики. Вполне понимая желание Турецкого правительства не быть вовлеченным в войну, Советское правительство, как и Британское правительство, тем не менее были бы готовы оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы»²⁹. Получив и эти гарантии, Турция имела все основания следовать по крайней мере политике строгого нейтралитета.

Между тем с течением времени турецкое политическое руководство решило снизить уровень предстоявших переговоров с Англией и не посылать турецкую делегацию за пределы страны, аргументируя свое решение тем, что до немцев дошли слухи о подготовке этих переговоров³⁰. Охлаждение Турции к переговорам с Англией может быть объяснено изменением ситуации на советско-германских фронтах: со второй половины июля (битва за Смоленск) сопротивление советских войск неуклонно возрастало, и постепенно стала очевидной несостоятельность расчетов Германии на «блицкриг». Уже в начале августа «вся имевшаяся в Лондоне информация говорила о том, что наступление немцев (на Турцию—Р. К.) не начнется раньше 1 ноября и даже, что более вероятно, раньше весны»³¹. И Турция решила избежать дополнительных осложнений в отношениях с рейхом.

Между тем Германия продолжала настойчиво добиваться присоединения Турции к странам оси, используя для этого все возможные методы—от шантажа до великодушных посулов. Так, министр иностранных дел Риббентроп 19 августа 1941 г. в беседе с турецким послом в Берлине Герееде, сделав попытку убедить турецкое правительство, что на будущей неделе, вероятно, будет уничтожена оставшаяся часть Красной Армии, поинтересовался, каково отношение Турции к мусульманскому населению пограничных областей Кавказа и восточнее Каспийского моря. Ответ посла, продиктованный расчетливостью турецкого правительства, гласил: у Турции нет никаких интересов вне ее собственных государственных границ³². Это, однако, не означает, что позиция Турции летом 1941 г. полностью соответствовала статусу нейтрального государства. Турция оказывала рейху услуги, далеко выходящие за пределы официально провозглашенного нейтралитета. Широко известны проходы через проливы в июле и в августе 1941 г. германского сторожевого судна «Зеефальке» и итальянского — той же категории —

²⁹ «Внешняя политика Советского Союза...», т. 1, стр. 129.

³⁰ Д. Ж. Батлер, Д. Ж. Гуайер, указ. соч., стр. 152.

³¹ Там же, стр. 152.

³² DGFP, Ser. D, vol. XIII, doc. № 238. Риббентроп—Папену, 25 августа 1941 г.; FR, 1941, vol. III, pp. 895—897.

«Тарвизио»³³, что, конечно, имело место с ведома турецкого правительства.

В этом же плане следует отметить отрицательную реакцию турецких правящих кругов на ввод английских и советских войск в Иран³⁴, хотя эта акция была объективно выгодна Турции, поскольку облегчала получение немедленной помощи от союзников в случае фашистской агрессии.

Таким образом, турецкий нейтралитет в то время означал лишь нежелание Турции пока заключить военно-политический союз с Германией. В той степени, в какой турецкое правительство считало это безопасным для себя, оно содействовало Германии в войне против СССР. Очень показательным в этом отношении послание У. Черчилля И. В. Сталину от 6 сентября, в котором, в частности, говорилось: «Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трех четвертой миллиона человек к концу этого года и затем до миллиона к лету 1942 г. Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии, эти войска смогут включиться в фронт на Вашем южном фланге и, как можно надеяться, повлиять на Турцию в смысле соблюдения ею *по крайней мере честного нейтралитета*»³⁵ (подчеркнуто мною — Р. К.).

В основе очевидной противоречивости турецкой политики балансирования лежало и то, что между германскими устремлениями на Ближнем Востоке и турецкими интересами объективно существовала непримиримость. Германия во всех вариантах своей ближне- и средневосточной кампании нуждалась в использовании турецкой территории. 8 августа 1941 г. в адрес главнокомандующих группами армий «Запад», «Север» и «Юг» поступила секретная директива («Задачи дальнейшего ведения войны после окончания Восточной кампании»), которая, в частности, определяла: «... если Турция не перейдет на нашу сторону даже после поражения Советской России, удар на юг через Анатолию будет осуществлен против ее воли»³⁶. Турецкое правительство не могло не сознавать, что это обстоятельство вероятнее всего могло означать утрату Турцией политической независимости. «Теперь Германия стала нашим соседом,— писал в передовице «Ени сабах» Дж. Ялчин еще 6 марта 1941 г.— Сейчас самая важная задача для нас — серьезно подумать над значением этого факта... Немцы столь часто вторгались, что методы их нашествия стали досконально известны... Прежде

³³ «Внешняя политика Советского Союза, 1946 г.», М., 1952, стр. 167—168.

³⁴ Дж. Батлер, Дж. Гуайер, указ. соч., стр. 155.

³⁵ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I, М., 1957, стр. 21, док. № 11.

³⁶ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 586—587.

чем напасть на какую-либо страну и ее уничтожить, Германия подписывает с ней пакт о ненападении, договор о дружбе и тому подобные соглашения... Было бы непростительной ошибкой считать, что немцы будут действовать в отношении Турции иначе... Ни одна малая страна не избежала германской агрессии. После того как Германия обосновалась на Балканах, она начнет активные приготовления против Турции»³⁷.

Единственным стимулом к сближению с Германией были антисоветская направленность политики и пантюркистские планы турецких правящих кругов. Никаких других оснований предпочитать взаимоотношения с Германией своим политическим связям с Англией у Турции не было.

Стремление совместить содействие Германии в войне против СССР, продиктованное националистическими и классовыми целями турецкой буржуазии, с необходимостью как-то обеспечить безопасность страны на случай быстрой германской победы явилось определяющим моментом в политике турецкого правительства. Попытки разрешить это противоречие привели к появлению турецкой концепции о компромиссном мире между Англией и Германией в первоначальном варианте при их совместной агрессии против Советского Союза и в более поздней редакции—немедленно после поражения СССР в войне.

Как нетрудно заметить, оба варианта исключали разрыв с Англией, но оба предусматривали победу Германии над СССР.

Поскольку в рассматриваемый период у турецкого правительства не было оснований рассчитывать на осуществление этого приемлемого для него варианта, оно воздерживалось от установления тесных политических контактов с Германией. Выжидая дальнейшего развития событий, министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу рекомендовал и правым шовинистическим кругам проявлять сдержанность до выяснения ситуации³⁸.

В этом плане очень показательны соображения, содержащиеся в докладах правительству турецких послов в Лондоне и Москве. Исходя из диаметрально противоположных предпосылок, и тот и другой считали недопустимым переход Турции на позиции союзника Германии. Посол в Лондоне Р. Арас предостерегал правительство от содействия германской победе над Советским Союзом, считая, что в этом случае Ближний Восток непременно стал бы ареной военных действий. Германия не станет считаться с договором от 18 июня 1941 г. и будет требовать свободу действий в Турции,—утверждал Арас³⁹.

Посол же в СССР Х. Актай (в августе) и еще подробнее военный атташе в Москве (в октябре), основываясь на предположении о скором захвате Германией Кавказа, Украины и Крыма, советовали своему правительству опередить германские армии и завладеть Кавказом. По

³⁷ „Yeni Sabah“, 6. III. 1941.

³⁸ J. Glasneck, *op. cit.*, S. 155.

³⁹ См. J. Glasneck, *op. cit.*, S. 160.

мнению посольства в Москве, это твердо определило бы турецкую позицию относительно дальнейшего германского продвижения в данном направлении⁴⁰ (подчеркнуто мною—Р. К.)^{*}.

Турецкое правительство к тому же не имело веских оснований при осуществлении территориальных захватов в момент ожидавшего им поражения СССР рассчитывать на понимание Германии. Не являясь союзником рейха, Турция не могла надеяться на особую признательность с этой стороны⁴¹. Более того, Германия из политико-стратегических и экономических соображений вообще не была склонна поддерживать турецкие территориальные претензии не только «в соседних... южной и восточной зонах», в чем последняя имела случай убедиться⁴², но в еще большей степени относительно территорий Советского Кавказа⁴³, что тоже было ясно турецкому правительству. В меморандуме совещания Гитлера с Розенбергом, Ламмерсом, Кейтелем, Герингом и Борманом о целях войны против Советского Союза от 16 июля 1941 г. говорилось: «В то же самое время Крым, включая значительные районы близ него (расположенные к северу от него), должен стать имперской территорией... Фюрер далее подчеркнул, что имперской территорией должна стать как волжская колония, так и район вокруг Баку. Последний должен стать немецкой концессией (военной колонией)»⁴⁴. Соответственно не могло быть и речи ни о каком, даже лишь внешне независимом, Кавказском государстве, образования которого с включением в него Баку добивалась турецкая политика: в Турции «проповедуется идея независимых или по крайней мере внешне независимых тюркских государственных образований в Крыму, на Северном Кавказе, в русском Азербайджане, причем в обоих последних—в качестве частей кавказского государства, и также аналогичных государственных образований восточнее Каспийского моря»⁴⁵. Турецкие деятели, в частности Али Фуад Эрден, начальник академии ге-

⁴⁰ Там же.

^{*} Позднее, готовясь к аннексии Кавказа, турецкое правительство начало концентрацию войск на советско-турецкой границе и к осени 1942 г. имело здесь уже 26 дивизий.

⁴¹ В записке для генерала Варлимонта, начальника оперативного и планового отделов оперативного управления при верховном командовании вооруженных сил Германии, утверждалось: «Турецкое правительство, конечно, не ожидает, что оно получит какие-либо преимущества без соответствующей ответной услуги со своей стороны». («Документы Министерства иностранных дел Германии», док. № 17, стр. 68). Надо полагать, МИД Германии об этом позаботился.

⁴² «Документы Министерства иностранных дел Германии», д. № 4, 6, Риббентроп—Папену, 19 и 26 мая 1941 г., DGFP, Ser. D, vol. XII, doc. № 555; vol. XIII, doc. № 86, № 97. Папен—Риббентропу, 9 июля и Риббентроп—Папену, 12 июля 1941 г.

⁴³ DGFP, Ser. D, vol. XIII, doc. № 361.

⁴⁴ «Нюрнбергский процесс», т. 3, стр. 584, док. Л—221 (США—317); см. также док. ЕС—126 (США—316), док. ПС—294 (США—185).

⁴⁵ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. № 17, стр. 67—68, док. № 11 и 25.

генерального штаба, понимали, что эти районы представляют для Германии особый интерес, и были уверены, что «фюрер намеревается как можно быстрее достигнуть Каспийского моря и Кавказа»⁴⁶.

Между тем развитие событий на советско-германских фронтах вынудило германский генеральный штаб пересмотреть свои осенние стратегические планы. Отмечая заинтересованность турецких правящих кругов в поражении Советского Союза, германское верховное главнокомандование тем не менее уже к сентябрю пришло к выводу, что Турция будет занимать выжидательную позицию, пока не будет абсолютно убеждена в крахе России. Подчеркивая важность привлечения Турции в лагерь оси, верховное главнокомандование в докладной записке констатировало невозможность принятия военных мер против Турции в сложившейся обстановке и рекомендовало правительству добиваться поставленной цели дипломатическим путем⁴⁷.

Но если в политической области летом—осенью 1941 г. Турция отказалась идти на дальнейшие уступки Германии, то в экономических отношениях последней удалось добиться большого успеха⁴⁸. Правда, турецкое правительство предпочло не выходить за известные границы, что могло бы привести к кризису взаимоотношений с Англией, поддерживаемой Соединенными Штатами.

Хотя экономические переговоры протекали нелегко и Турция не приняла всех германских требований, Германия имела все основания быть довольной подписанным 9 октября договором⁴⁹. Впервые с начала войны Германия вновь заняла первое место на турецком рынке и обеспечила себя дефицитным сырьем для воспроизводства боевой техники, самолетов, транспорта, потери которых на советско-германском фронте непрерывно возрастали.

Значительные выгоды извлекла из этого договора и Турция. Кроме боевой техники Германия обязалась поставить ей железо, сталь, маши-

⁴⁶ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. № 12, стр. 44, Папен — МИДу, 10 ноября 1941 г.

⁴⁷ Н.-А. Jacobsen, op. cit., Dok. № 69.

⁴⁸ Германия, постоянно и сильно заинтересованная в турецком рынке, прежде всего в хлебе и продуктах питания, в течение всего прошедшего военного времени стремилась урегулировать экономические связи с Турцией. Уже на следующий день после подписания договора от 18 июня 1941 года, Гитлер на аудиенции, данной турецкому послу, настойчиво доказывал выгоду прочных и длительных экономических связей не только для Германии, но и для Турции. („Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler“. Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes, Zweiter Teil: 1942—1944, Frankfurt/Main, 1970. Dok. № 82 (Anhang), S. 538—541. Запись беседы Гитлера с Гереле, 19.VI. 1941 г.).

⁴⁹ Договор действовал до 31 марта 1943 г., а стоимость товарообмена с каждой стороны была определена в 96 млн. лир. (G. Jaschke, Die Türkei in den Jahren 1935—1941 (Geschichtskalender), Leipzig, 1943, S. 129; DGFP, Ser. D, vol. XIII, doc. № 258, № 294, № 352, № 358, № 366, № 367, № 374, № 390; FR, 1941, vol. III, p. 943—963).

ны, средства транспорта, готовые изделия из меди, фармацевтику. Успех экономических переговоров немедленно отразился на состоянии политических взаимоотношений. За день до подписания экономического договора, 8 октября 1941 г., появилось германо-турецкое заявление, отрицавшее концентрацию германских войск на турецкой границе⁵⁰.

Несмотря на спад напряженности в германо-турецких отношениях, положение Турции продолжало оставаться сложным. Передышка, которую получила Турция в связи с провалом германского блицкрига, носила, с точки зрения турецкого правительства, временный характер, так как поражение Советского Союза в конечном счете не вызывало у него сомнений. Не случайно же президент Иненю в своей речи перед Великим национальным собранием 1 ноября, определив политику Турции как политику нейтралитета, ни словом не обмолвился о Советском Союзе, зато взаимоотношения с рейхом, несмотря на недавние осложнения, были им освещены в самом дружественном тоне⁵¹.

В такой ситуации, когда положение страны продолжало оставаться неопределенным, турецкое правительство, как и прежде, опасаясь германской агрессии, рассчитывало на компромиссное урегулирование англо-германских отношений. Сразу же после завершения германо-турецких экономических переговоров Н. Менеменджюглу заявил руководителю немецкой делегации Клодиусу, что, хотя он и убежден, что Германия не может быть побеждена, тем не менее и германскую победу над Англией он может представить себе лишь с большим трудом⁵². А Иненю открыто и конкретно высказался о том, что турецкое правительство было бы счастливо, если бы смогло поспособствовать восстановлению мира⁵³.

Но на этот раз Турция не ограничилась декларативными заявлениями. 31 октября Анкара обратилась к правительству Испании с призывом к испано-турецкому сотрудничеству с тем, чтобы «после поражения Советов достигнуть мира, так как такого рода посредничество было бы последней надеждой предотвратить бесконечную войну»⁵⁴.

Вывод, который сделали для себя германские политики из этих высказываний и деятельности турецкого правительства осенью 1941 г., заключался в том, что Турция, хотя и стремится с начала германо-советской войны к сотрудничеству с рейхом, определенно не желает обрывать нити, связывающие ее с Англией⁵⁵.

К концу осени, когда стало очевидно, что война между Германией и Советским Союзом принимает все более затяжной и изматывающий характер, то есть именно ту форму, которую турецкое правительство

⁵⁰ G. Jäschke, op. cit., S. 129.

⁵¹ „Millî Şef'in Söylev, Demec ve Mesajları“, İstanbul, 1945, S. 67—70.

⁵² DGFP, Ser. D, vol. XIII, doc. № 393. Клодиус—Риббентропу, 10 октября 1941 г.

⁵³ DGFP, Ser. D, vol. XIII, doc. № 464 и примеч. 2.

⁵⁴ L. Kreckler, op. cit., S. 200; J. Glasneck, op. cit., S. 158.

⁵⁵ DGFP, Ser. D, vol. XIII, doc. № 393, № 464. Папен—МИДу, 12 ноября 1941 г.; «Документы Министерства иностранных дел Германии», стр. 64—65, док. № 17.

считало для себя наиболее перспективной, Анкара почувствовала себя уверенней и спокойней. Постепенно улучшились и охлажденные со времени германо-турецких экономических переговоров взаимоотношения Турции с Англией и США, а за 4 дня до нападения Японии на Пирл-Харбор Соединенные Штаты объявили о своем решении предоставить Турции помощь по ленд-лизу с 31 декабря 1941 г.

Два важнейших события декабря—поражение немцев под Москвой и вступление в войну Соединенных Штатов—произвели на турецкое правительство большое впечатление и побудили его к еще большей осторожности. Заявив о своем решении сохранить нейтралитет и в этом конфликте и о неизменности желания «остаться вне войны и ни с какой стороны не дать себя вовлечь в борьбу за какие-либо интересы, которые не касаются Турции»⁵⁶, турецкое правительство приступило к соответствующей корректировке внешнеполитической концепции.

Декабрьские события привели, и видимо впервые, турецкое правительство к мысли, что Германия может проиграть войну. Теперь уже в Анкаре принимали в расчет и новую возможность — англо-американо-советскую победу. И этот вариант не устраивал турецкое правительство. Передавая точку зрения турецкого правительства, Папен доносил в Берлин: «...Возможным исходом является полная победа англо-американского блока с помощью Советской России. По мнению Турции, это означало бы полный распад Европы, так как ни Англия, ни США не были бы в состоянии ни остановить напор русских в территориальном отношении, ни предотвратить большевизацию изголодавшейся, измученной от войны и обнищавшей Европы»⁵⁷.

Оценивая перспективы дальнейшего развития германо-советской войны и опасаясь полной победы союзников, турецкое правительство теперь считало оптимальным для себя вариантом возможно быструю победу Германии над Советским Союзом, после которой рейх мог бы компромиссно урегулировать свои отношения с Англией и Америкой. «Если бы державам оси удалось весной добиться в России какого-либо решительного исхода... то, по мнению турецких политиков, стало бы ясно, что англо-американский блок не в силах выиграть войну в Европе. Из этих соображений, может быть, и возникла бы возможность компромисса, который Турция была бы согласна поддержать, опираясь на удельный вес своих военных сил»⁵⁸.

Дальнейшее развитие событий показало несостоятельность внешнеполитических расчетов турецких правящих кругов. Позиция же Турции в первые полгода германо-советской войны отчетливо продемонстрировала антисоветскую направленность политического курса страны и то

⁵⁶ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. № 16, стр. 54, „Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945“ (далее—ADAP), Ser. E, 1941—1945, Bd. 1, Göttingen, 1969, Dok. № 97. Папен—МИДу. Политический обзор, 5 января 1942 г.; № 5. Гереде—Риббентропу, 12 декабря 1941 г.

⁵⁷ Там же, стр. 55; ADAP, Ser. E, Bd. 1, Dok. № 97.

⁵⁸ Там же, стр. 57; ADAP, Ser. E, Bd. 1, Dok. № 97.

обстоятельство, что антисоветизм турецкой политики носил не эпизодический характер, а являлся ее стержневым направлением. Именно антисоветская направленность турецкой политики, проявившаяся и в оживлении деятельности пантюркистских организаций, обусловила рискованную и малоперспективную позицию так называемого «активного», точнее колеблющегося нейтралитета Турции.

**ԵՐԿՐՈՐԴ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄՈՒՄ ԹՈՒՐԿԻԱՅԻ
ԴՆՐՔՈՐՈՇՄԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋԸ (Եռվիս—դեկտեմբեր 1941 թ.)**

ՀՈՒՓՍԻՄԵ ԿՈՐԽՄԱՋՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո մ

Թուրքիայի դիրքորոշումը, որ պաշտոնապես ձևակերպվել էր 1939 թ. անգլո-ֆրանս-թուրքական դաշնակցային պայմանագրով, 1941 թ. ամռան սկզբին մեծ փոփոխություններ կրեց:

1941 թ. հունիսի 18-ին Գերմանիայի հետ նշանված բարեկամության և հարձակման պայմանագիր, Թուրքիան ՍՍՀՄ-ի դեմ գերմանական ագրեսիայի նախօրյակին առերևույթ դրավեց չեզոք դիրք՝ ըստ նպատակի Գերմանիայի հասար:

Հուլիսի ընկնելով գերմանա-սովետական պատերազմում Գերմանիայի հաղթանակի վրա և աջակցելով նրան, Թուրքական կառավարությունը, միաժամանակ, երկյուղում էր դեպի Մերձավոր և Միջին Արևելք Գերմանիայի առաջխաղացումից և Թուրքիայի տարածքում գերմանական զորքերի հայտնվելուց: Թուրքիայի կառավարությունը հուլիս էր աածում ՍՍՀՄ-ի պարտությունից հետո անգլո-գերմանական հարաբերությունների կոմպրոմիսային լուծման նկատմամբ և փորձեր է անում աջակցելու իրադարձությունների այդօրինակ զարգացմանը: